

ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ О ВОЙНЕ И АРМИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА*

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются военно-философские идеи видных мыслителей и военных теоретиков «Зарубежной России». Раскрываются причины, обстоятельства и особенности их формирования. Дана классификация военно-философских идей мыслителей и военных теоретиков русского зарубежья по интерпретации взглядов: на причины войны и условия мира; на соотношение войны и мира; на войну, ее историческую сущность, ее смысл, ее природу, на различие в характеристике ее роли в истории человечества на разных этапах общественного развития; на подходы к вопросам идеологического противоборства по военно-философским проблемам; на войну, как воплощенное насилие и его социальную абсолютизацию; на построение и устройство армии будущей России; на войну как факт русской истории; на армию, как яркий и стойкий носитель народных идеалов и традиций; на взаимоотношения народа и армии; на армию как школу патриотической верности; на обобщение опыта первой мировой войны и военных конфликтов в мире 1920-1930 годов, истории русской армии и ее будущего в контексте судеб России, на современную военную организацию и ее элементы и роль духовного фактора в военном деле; на необходимость синтеза отраслей военно-научного знания в науку о войне, о роли, месте и содержании военной доктрины в обеспечении безопасности государства; на вопросы военного строительства, подготовку страны и ее вооруженных сил к будущим войнам, разработку проблем истории войн и военного искусства.

Ключевые слова: русское зарубежье, военно-философские взгляды, классификация, война и армия.

I. Maneev

PHILOSOPHICAL IDEAS ABOUT WAR AND ARMY IN THE CREATIVE HERITAGE OF RUSSIAN EMIGRATION OF THE I-ST HALF OF XX CENTURY

Abstract. In the present article military-philosophical ideas of visible thinkers and military theorists of “Foreign Russia» are considered. The reasons, circumstances and features of their formation reveal. Classification of military-philosophical ideas of thinkers and military theorists of Russian abroad by interpretation of sights is given: on the reasons of war and a world condition; on a war and peace parity; on war, its historical essence, its sense, its nature, on distinction in the characteristic of its role in the history of mankind at different stages of social development; on approaches to questions of an ideological antagonism on military-philosophical problems; on war, as incarnate violence and its social .absolutization; on construction and the device of army of the future Russia; on war as the fact of Russian history; on army, as the bright and proof carrier of national ideals and traditions; on mutual relations of the people and army; on army as school of patriotic fidelity; On generalisation of experience of the First World War, military conflicts in the world of 1920-1930, stories of Russian army and its future in a context of destinies of Russia, on the modern military organisation both its ele-

* © Манеев И.В.

ments and a role of the spiritual factor in military science; on necessity of synthesising of branches of military-scientific knowledge for a science about war; about a role, a place and the maintenance of the military doctrine in state safety; on questions of military building, preparation of the country and its armed forces to the future wars, working out of problems of history of wars and military art.

Key words: Russian abroad, military-philosophical sights, classification, war and army.

Все более заметным и примечательным явлением духовной жизни России становится возвращение к многоплановому наследию культуры прошлых поколений. И этот процесс стимулирован не только объективной логикой культурно-исторического процесса, равнодушного к конъюнктуре, капризам проходящей моды или иным сиюминутным интересам общественного сознания. Социально-политические процессы современной России, особенно те из них, которые связаны с качественными критериями ее военно-силовой составляющей, настоятельно требуют своего осмысления.

Исходя из этой необходимости, а также из того, что человек не в состоянии судить о себе адекватно – о своем поведении, образе мыслей, и что это утверждение справедливо не только для сознания отдельных людей, «но и для сознания наций, вероисповедных общностей, политико-идеологических суждений, мы вынуждены обращаться к внешним суждениям, внешним оценкам» [1, 3]. Не являются здесь исключением и проблемы становления и развития философских знаний о войне и мире, об армии и защите Отечества.

К значимой части наследия русской философской культуры относится военно-философская мысль русского зарубежья I-ой половины XX-го в. Философия русского зарубежья развивалась под воздействием двух культурно-исторических факторов. На первых порах она позиционировала себя в качестве преемницы *дореволюционной мысли* и проявлялась как чуткий ретранслятор философских идей исконной России начала XX-го века, а затем – той средой, где сформировались новые мотивы. Ведь впоследствии философия русского зарубежья соотносилась с ходом развития *советской философии* и находилась под определенным влиянием своих бывших идеологических противников.

Идеи военно-философского содержания в культуре русского зарубежья явились следствием и результатом тех идей дореволюционной философии, которые по причине происшедших исторических социально-политических событий привели к мировоззренческому тупику и необходимости осмысления сложившейся в России ситуации. Идеологические промахи, допущенные интеллигенцией, а мыслители русского зарубежья относились к ней в первую очередь, проявились еще задолго до февральской и октябрьской революций 1917 г. Данное обстоятельство обусловило появление философских новаций и в послеоктябрьский период. Этот новый подход русской зарубежной интеллигенции формировался на основе дореволюционных идей, собственных философских наработок и положений советской военной теории.

В дальнейшем успехи советской власти и военно-философские взгляды Советской России из объекта идеологического противоборства превратились в источниковую базу философии русского зарубежья. По мере успехов военного строительства в СССР в звучащей непримиримой критике советской власти появлялось определенное выражение симпатии к ней. Это диалектическое единство приобретает острую актуальность сегодня, когда русское зарубежье

вновь открывает неизвестные страницы русской культуры. Отметим, что характерным для этого стало движение – сменовеховство. Истоком данного течения явился выход в 1921 г. в Праге сборника «Смена вех» со статьями Ю.В. Ключникова, Н.В. Устрялова, С.С. Лукьянова, А.В. Бобрищева-Пушкина, С.С. Чахотина, Ю.Н. Потехина. Самым известным представителем этого движения был Н.В. Устрялов, еще за год до этого опубликовавший в Харбине книгу с похожими идеями «В борьбе за Россию». Смысл работ сводился к следующему: революцию надо воспринимать как данность, надежд на скорое падение большевистского режима нет, и историческая логика приведет большевиков на более умеренные позиции во благо России.

Происходящие на сегодняшний день неоднозначно оцениваемые реформы Вооруженных Сил Российской Федерации, названные странным и расплывчатым сочетанием – *формированием их нового облика*, – вынуждают общество вновь обратить свой взор на теоретические разработки предреволюционной России, советский опыт и философско-теоретическое наследие русского зарубежья. Зачастую эти взгляды оказывались диаметрально противоположными.

Так, например, советское военное строительство базировалось на идеях массовой народной армии, при своеобразном понимании классового подхода к ее комплектованию, где, с одной стороны, главным принципом строительства вооруженных сил признавалось создание армии из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс [12].

С другой стороны, в контексте развития зарубежного крыла русской мысли формировалась иная, противоположная идея, заключавшаяся в том, что в вооруженные силы государства должны идти не только физически наиболее крепкие люди, но и сильные духовно, с воспитанной твердой волей и гордостью принадлежности к ним [19, 10]. По мнению неоднозначно воспринимаемого сегодня генерала Краснова, «армия – не вооруженный народ, а вооруженный народ – не армия. Нельзя воспитывать весь народ как армию, но надо выделить из него некоторую часть, сделать из этой части офицеров как основу армии» [19, 13].

Таким образом, в СССР реализовывалась идея об армии, как вооруженной массе трудящихся, а в среде русской эмиграции выводилась идея об элитарности, избранности армии, состояние которой определять должна была именно каста офицеров – оплот армии, основа духа и организации войск.

В мировой истории нет подобного по своему объему, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем. И не случайно его называли «Зарубежной Россией», поскольку в 1920-1940-е г. оно исчислялось 9-10 миллионами человек, причем на 90-95% состоявших из русских [18, 13].

На протяжении 1920-1940 годов XX века русское зарубежье пытается найти себя в новой роли. В общекультурном смысле в этом процессе было много трагичного. Во-первых, мощный интеллектуальный, научно-творческий потенциал был отторгнут новой, советской Россией. Во-вторых, данное обстоятельство дополнялось лично-семейной трагедией – у многих изгнанников на родине остались родные и близкие. Если сначала эмиграция грезилась о скором возвращении на родину, то после явного краха этих надежд зарубежные россияне стали отождествлять себя с особым изолированным «социально-культурным посольством России» [7, 29].

Значительная часть оригинального философского потенциала переместилась за границу. Причиной этого была тесная связь внутри страны философии и классовой идеологии. Любая немарксистская философская концепция в условиях диктатуры пролетариата рассматривалась идеологически несостоятельной и несовместимой с официальной доктриной. Ленин отмечал, что обязанность каждого коммуниста вести систематическую и наступательную борьбу «с буржуазной идеологией, философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики философствования». Интеллектуальный ущерб, нанесенный России в эти годы, даже сейчас невозможно оценить, особенно если иметь в виду, что оставшиеся в стране были, по существу, обречены на молчание. Любые проявления инакомыслия карались. Оставшиеся в советской России яркие мыслители, занимающиеся активным творчеством, представляли собой, скорее, исключение. Так, например, богослов П.А. Флоренский и поэт-философ Н.С. Гумилев остались в СССР и погибли фактически из-за своих убеждений.

Оказавшись за рубежом, русские эмигранты по-прежнему считали себя людьми русской культуры. Первоначально их ассимиляции препятствовало твердое убеждение большинства изгнанных, что их отъезд из России – явление временное, что скоро они вновь смогут вернуться на родину. Отсюда – стремление сохранить язык, обычаи, дать русское воспитание детям. Позднее, когда эти надежды стали угасать после очевидного поражения антисоветских сил и успехов культурного строительства в СССР, эмиграцию поддерживало осознание своей особой задачи, особой духовной миссии – сохранить и развить русскую культуру, не дать прерваться традиции, сделать то, что не могло быть сделано в условиях Советской России [4, 6, 22].

В среде русского зарубежья поддерживалась память о дореволюционной России, культивировалось и идеализировалось прошлое. Культура русского зарубежья выступила как хранилище национального духа. Философы-эмигранты осмысливали трагический опыт революции, анализировали ошибки и извлекали уроки. В то же время они разрабатывали постсоветскую концепцию национально-государственного развития России, ее армии и флота. За двадцать лет активной творческой деятельности в разных странах мира на русском языке были изданы тысячи книг, многие сотни журналов и газет. Значительная часть из них содержала и мощный военно-философский пласт.

Почти все мыслители русского зарубежья, занимавшиеся разработкой вопросов войны и армии, обращались к прошлому русской идеи. Вместе с тем философия русского зарубежья сформировала не только ретроспективный взгляд, но и внесла ряд новаций в русскую философскую традицию. Новый философский подход стал причиной того, что некоторые авторы заговорили даже о смерти традиционной русской идеи и были отчасти правы. Русская идея как мысль о «третьем Риме», о Вселенской Православной церкви, о мессианском предназначении русского народа в привычном смысле действительно начала уходить в прошлое.

С другой стороны, философия русского зарубежья формировалась в противовес мыслительному процессу Советской России, где любой отход от принятой в стране интерпретации марксизма карался не только запретом на осуществление творческой деятельности, но, подчас, психологическим давлением и даже физической расправой. Поэтому традиции немарксистских способов философствования были продолжены вне пределов России. В итоге происходило формирование двух потоков русской культуры – внутри страны и за ее

пределами, причем, в отношении вклада, русское зарубежье оказалось весьма продуктивной частью русской культуры.

С 1930-х годов в эмигрантских изданиях стала активно обсуждаться идея о будущем Русского государства и его вооруженных сил. Она формировалась на фоне интеграции европейских государств и анализа опыта прошедших войн. В Европе данного периода происходит дискуссия – какому государству принадлежит будущее: национальному или выходящему за рамки бытия одного этноса? Какая армия нужна этому государству? На каких принципах она должна быть построена? Кто и как будет выполнять свой воинский долг? Ответы на эти вопросы давались разные. Но любой ответ не снимал необходимости философского осмысления будущего России и роли ее армии в этом будущем.

С позиции сегодняшнего исследования эмигрантской научно-исследовательской и мемуарной литературы можно выделить два основных направления в интерпретации армии будущей России: *реставраторское и модернистское*. Реставраторская тенденция господствовала количественно. В сотнях статей и брошюр этого течения речь шла о том, как вернуться к былой России и дореволюционной армии. Реставраторские взгляды отражали представление о былом международном величии России и славной победоносной истории ее вооруженных сил. Конечно, это было далеко от действительности, скорее, это была романтическая идеализация прошлого. В условиях эмиграции – это вполне объяснимо. Такая идеализация прошлого всегда наблюдается в эпохи резких сломов, перемен, разрушения привычных устоев. Исторические параллели можно в этой связи провести и сегодня, когда разнообразные общественные силы, тяжело переживающие сегодняшнюю ситуацию, грезят о «России, которую мы потеряли», создавая миф о бесконфликтной, великой, процветающей державе и «непобедимой и легендарной» Советской Армии.

Мыслители русского зарубежья на первых порах именно в самодержавии видели ту силу, которая как обруч сможет скрепить распавшуюся Россию. А обстоятельства издержек царского режима при неспособности последнего монарха к управлению огромной страной, дворцовые интриги, сомнительное окружение царской семьи основательно не рассматривали, воспринимали их как досадную случайность. При этом отдельным авторам-реставраторщикам будущее России виделось в возрождении основ не столько царского режима, сколько недолго просуществовавших после Февральской революции хрупких демократических институтов.

Модернисты в среде русского зарубежья также не были идейно едиными. Но именно в рамках этого течения разрабатывались наиболее интересные проекты армии будущей России. Многие из них поднимались от уровня чисто политических прогнозов до философских размышлений. Критически оценивая происшедшее в России, именно в армии они увидели одну из ключевых причин происшедшей революционной катастрофы.

Люди разных уровней взглядов много писали об армии будущей России. И в этой связи есть необходимость в выявлении персоналий и освещении идей обоих направлений, внесших вклад в формирование военно-философского мировоззрения русского зарубежья.

Классифицируя военно-философские взгляды, следует остановиться на определенных сложностях. Учитывая разнообразие взглядов мыслителей русского зарубежья, зачастую проблематично найти даже общий критерий для такой классификации. За основание деления можно взять характер общефи-

лософских взглядов каждого мыслителя, их связь с западной или славянофильской традицией русской мысли, их политические взгляды, и предлагаемые методы перехода от советского режима к предлагаемой модели нового общества, роль религии и церкви в будущем общественном устройстве и, конечно, отношение к войне и принципам строительства вооруженных сил государства. Причем, ясно, что любой критерий изначально не может быть признан исчерпывающим, он работает лишь в ограниченной области историко-философского анализа. В этой связи несколько оправданнее, чем другие, выглядит критерий деления философских рассуждений, связанный с образом будущей армии. В зависимости от того, каким видели философы-эмигранты образ армии, необходимой будущей России, их концепции условно можно разделить следующим образом.

Во-первых, следует представить так называемую модель *христианского социализма*. Одним из самых крупных мыслителей эмиграции, занимавших такую позицию, был Г.П. Федотов. Мыслитель, отдавая предпочтение духовным идеалам христианства, увидел в Первой мировой войне не только бедствие, но и борьбу за свободу в союзе с западными демократиями. «Именно в годину величайших унижений, – отмечал философ, мы созерцаем образ нетленной красоты и древней славы – лицо России. Только в эпоху войн и угроз для государства в человеке просыпается чувство патриотизма как осознание права на свое Отечество» [21, 19]. Войну в мировой истории он видел как более постоянное, чем мир, где даже в длительные периоды нельзя забывать, что это результат равновесия враждебных сил. Границы государства – это не статические формы, а силовые линии, где уравниваются внутренние и внешние давления. Равновесие постоянно нарушается, и тогда происходит расширение, сжатие или гибель государства [22, 149-169]. Это предопределило особую необходимость военной силы и мощи России, так как имели место исторически сложившиеся территориальные, этнографические и стратегические, геополитические отношения с народами на обширных европейских и азиатских ее границах [23, 26].

Неоднократно к военно-философским вопросам обращался один из крупнейших русских философов Н.А. Бердяев. В творчестве автора большое внимание уделялось теме насилия, а война есть воплощенное насилие, его социальная абсолютизация. Война, по Н.А. Бердяеву, – двулика: она несет смерть, но ведется во имя мира. По суждению автора, именно через войны объединялись общества «в большие исторические тела». Поэтому война обращена не к низшим инстинктам, а к высшим проявлениям человеческой природы, к инстинктам самопожертвования и любви к родине. Война – зло, признает автор, «но не столько зло само по себе, сколько связана со злом и является последствием зла более глубинного» [3, 190-193]. Она является проявлением «исконных противоречий бытия, характеризую ее иррациональные основы» [2, 290].

Вторым по значимости в осмыслении военно-философских вопросов можно считать течение *евразийства*. В теоретическом плане это было новым словом в интерпретации военно-философской мысли, которая, впрочем, стала не совсем русской: главный тезис евразийства как раз и состоял в признании колоссальной роли азиатской составляющей российской истории, в утверждении восточного характера российской государственности и евразийско-русской армии. Евразийцы, как приверженцы сильного государства, не смогли обойти стороной комплекс вопросов, связанных с армией, вооруженными силами и военной организацией. В немногочисленных, но конкретных работах они указы-

вают положительные черты военного строительства в СССР, объясняя успехи в этой сфере «исключительной государственной мудростью русского народа». Евразийцы относили положительное в этой сфере к народной стихии, а не «к коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями».

В сборнике «Евразийство (опыт систематического изложения)» ими были определены основы восстановления военной мощи российско-евразийского государства. В этой связи авторы отмечали положительную роль «всеобщей воинской повинности, определяемой принципом военной годности и территориально-милиционной системой комплектования». При этом также подчеркивалось, что общепринятое понятие стратегии в евразийском понимании расширяется в связи с осознанием новых геополитических приоритетов, а также благодаря осознанию органической связи армии с государственным строем и всей политикой государства.

Войну как неотъемлемый факт русской истории предлагал осмысливать философ Л.П. Карсавин, считая необходимым дружное сотрудничество военных специалистов с историками и философами. В величайшей степени важным представлялось ему понимание войны именно с «русской точки зрения», ведь с начала века Россия пережила две войны, приведших к революции и столь сильно изменивших ее облик. Он полагал, что во многом это произошло *из-за утраты правящим слоем чувства своеобразия русской культуры*. А в войне происходит самораскрытие культуры. Именно в ней истоки величия и великодержавия России. Она же является ярким и стойким носителем народных идеалов и традиций, что определяется ее народной природой. Она живет общими основаниями народной идеологии, поскольку народные идеалы живы в армии еще и тогда, когда в обществе они уже перерождаются, а сама армия нередко становится жертвой «за старые и не ею совершенные грехи». Но именно в связи со своей обращенностью к прошлому, по суждению Л.П. Карсавина, армия, тем не менее, обращена и к будущему, причем, не менее, чем всякого рода иные «прогрессивные» элементы общества. В силу своей консервативности армия, истинно, прогрессивна [16, 40-46].

Еще одним значимым течением, рассматривающим военно-философские вопросы, стало, так называемое монархистское направление. Речь здесь идет не о многочисленных политических группировках и партиях, а именно о *теоретическом монархизме*. У многих мыслителей русской эмиграции монархический идеал формировался на основе философского исследования российской истории, культуры и геополитических особенностей страны. Первым в ряду таких мыслителей следует назвать И.А. Ильина, чрезвычайно много писавшего о судьбе России и ее патриотической основе – армии.

По его оценкам, в будущей России отношение народа к армии обновится и углубится. Народ не должен и не смеет противопоставлять себя армии, как это было перед революцией: «Мы – рабочие, крестьяне, штатские, интеллигенция, а они – военщина, орудие реакции, усмирители, насильники». Автор видит необходимость объединения – тогда «...больное и позорное отношение исчезнет навсегда. Мы – русский народ; и в нем – наша особая, почетно-ответственная, знаменосно-собранный роль. Наша армия – наша честь, наша надежда, наша сила, основа нашего национального существования. Кость от нашей кости и кровь от нашей крови. Она – представительница нашего национального рыцарства; крепостная стена нашей национальной свободы.

Принадлежность к ней – не воинская повинность, а почетное право. Неспособность носить оружие – есть дисквалификация человека. Воинское знамя есть священная хоругвь всего народа. Военный инвалид есть почетное лицо в государстве. Русский народ всегда будет искать радостного, искреннего единения со своей армией. Именно у армии необходимо учиться любви, чести, жертвенности и характеру» [14, 461-462].

Пытаясь заглянуть в завтрашний день своей родины, мыслитель надеялся, что отношение народа к армии качественно изменится, ибо армия – сосредоточение народной силы, надежды и основы национального существования. Он писал: «Русская армия всегда была школой русской патриотической верности. Само воинское звание и дело заставляют человека самоорганизоваться. Армия невозможна без самообладания и усердия, она требует особого воинского качества. Армия невозможна без характера, патриотизма и жертвенности. Ее лозунг: «Жить для России и умереть за Россию» [15, 387].

Сущность вышеизложенного нами сводится к следующему. По мере изучения трудов выдающихся мыслителей русского зарубежья мы приходим к убеждению, что усилия их поисков были направлены на вопросы смысла и природы войны, ее духовно-ценностных истоков, а также судьбоносной роли и предназначения армии для Отечества.

Профессионально военную проблематику на чужбине разрабатывало русское воинство. Как бывшие офицеры, прошедшие фронты русско-японской, первой мировой и гражданской войн, они, рассматривая вопросы военной тематики, вышли на новый качественный уровень и философского осмысления исторического прошлого и того, что происходило в мире тех лет. Опыт истории Русской армии в контексте будущего России, качественное соответствие ее времени, духовный фактор в военном деле – вот основа военно-философских идей, нашедших отражение в ряде монографий и сотнях статей военных авторов.

Самым видным и авторитетным военным умом эмиграции был профессор генерал-лейтенант Н.Н. Головин. Он еще до первой мировой войны написал около десяти научных работ по военной психологии, службе Генерального штаба, методике обучения в высшей военной школе.

В начале 1920-х годов он одним из первых военных ученых проанализировал роль в современной войне танков и авиации и пришел к выводу, что через несколько лет применение таких технических средств будет определять успех в бою. Н.Н. Головин выражал уверенность, что Россия обязательно станет великой танковой державой. Об авиации говорил как о новом методе не только стратегии, но и политики.

С особым вниманием следил ученый за техническим и организационным состоянием Красной Армии, скептически оценивая научные основы ее строительства. Он полагал, что необходимыми условиями создания новой армии должны быть: тщательное изучение передовой техники и опыта минувшей войны; наличие комплексной научной программы военного строительства; долгий период мира для России, который придется, может быть, покупать ценой национального унижения [9, 50].

По мысли Н.Н. Головина, в силу технологического усложнения и повышенной материальной затратности самой войны, а также методов управления ею, государство нуждается в военной доктрине, которая представляет чисто практическое приложение выводов военной науки в условиях определенной войны. Выработать ее без учета государственных, экономических, националь-

ных условий невозможно. В качестве практической рекомендации он пишет, что в основе доктрины будущей российской армии должна лежать идея готовности к борьбе с западными соседями при полном уважении к боевым качествам их войск и к современности их вооружения. Проводя детальное изучение и анализ «кампаний 1914 г. на русском фронте», он пришел к следующим выводам:

Россия была к войне не готова, что выразилось в ошибочности реализации плана войны; имела место преступная деятельность военного министерства по вопросам снабжения армии; стратегия была принесена в жертву политике, где широкие боевые действия начинались не в соответствии со стратегической целесообразностью, а по просьбе союзников, что приводило к неоправданным жертвам Русской армии; фронт держался, в основном, благодаря боевому опыту и героизму офицеров и солдат. Ошибки и промахи начального периода войны во многом обусловили дальнейший неуспех и в конечном итоге приблизили революцию [8, 43].

Профессор Н.Н. Головин пришел к определению, что до сих пор аналитики войны изучали, главным образом, способы ведения войны, а не саму войну [10, 180]. По мнению Н.Н. Головина, наука о войне должна представлять собой социологическое исследование, она призвана изучать законы статистики, динамики и эволюции войны. В качестве основных опор социологии войны должны служить: радикально перестроенная военно-историческая наука, психология войны как часть социальной психологии и статистика войны. О предназначении этой науки автор высказался образно: «меры, принимаемые современными цивилизованными народами для предотвращения возможности новой войны, значительно выигрывают в своей действительности от подробного изучения самой войны как явления социальной жизни. Лечение всякой болезни становится на верный путь лишь после того, как хорошо изучена природа самой болезни. А война есть социальная болезнь» [11, 7].

Н.Н. Головин, конечно, был не единственным военным аналитиком на чужбине. В первую очередь, сюда следует отнести также генерал-лейтенанта А.В. Геруа, одного из авторитетнейших военных теоретиков русского зарубежья, дошедших до философского осмысления вопросов, связанных с войной.

А.В. Геруа считал, что если исторически пока не обойтись без вооружений, то надо активно стремиться к их сокращению. Если человечество все еще не способно существовать без войн и армий, то необходимы такие армии, которые обеспечивали бы скоротечность и гуманность войн. Им была выражена идея создания небольшой, профессиональной, вооруженной современным оружием новой русской армии [6, 397]. Вопросы государственной обороны Геруа рассматривал через спектр социально-психологических факторов. По его убеждению, военную систему страны невозможно изменить без изучения психологических особенностей армейской массы и среды, ее породившей, т.е. всего народа [6, 7].

А.В. Геруа считал, что наибольший ущерб военному делу наносит односторонний, замкнутый подход к его проблемам. «Только так мы не заблудимся среди полуавторитетов, полумыслей, полудел», – писал генерал А.В. Геруа. «Для того чтобы народ мог быть уверен в своей армии и армия черпала в таком доверии свою нравственную силу, необходимо популяризировать военную доктрину не только в рядах войск, но и в среде народа» [5, 241].

Наряду с Н.Н. Головиным и А.В. Геруа одним из крупнейших представителей военно-философской мысли русского зарубежья был генерал-лейтенант А.К. Байов. Главной в его творчестве была проблема русского национального военного искусства и отечественной военной истории. В эмиграционный период деятельности ученого его внимание во многом сосредоточивалось на разработке основ будущей русской армии.

Исходным моментом строительства новой русской армии А.К. Байов полагает духовное начало. Для этого необходимо, по его суждению, пропагандировать нравственное начало в армии, что может питать ее волю к победе и во имя чего она должна воевать. Среди других основных положений воссоздания вооруженной силы автор выделял: следование общим военным принципам; максимально выгодное, в соответствии с их свойствами, использование современных технических средств; «преимущество качества над количеством»; высокий уровень подготовленности начальников и др. «Все силы и средства, создающие победу, – подчеркивает А.К. Байов, – есть продукт человеческой мысли». Отсюда и то огромное значение этой мыслительной деятельности и последующего приспособления ее к потребностям военного искусства, целям войны и практики военного дела. Для эпохи массовых армий требовался воин, как гражданин, патриот и защитник Отечества. А.К. Байов особо подчеркивал наиглавнейшее качество армии – профессионализм. На обучение ее эффективным способам защиты страны он возлагал большие надежды еще в мирное время. Генерал считал, что армия сможет успешно выполнять задачи только при существовании продуманной и современной военной доктрины [1, 15].

Доктрина, по мнению А.К. Байова, должна отражать духовную и материальную стороны военного дела и предполагать для начальствующих лиц широкое военное развитие, умение научно мыслить в сфере военных идей и действий, знание современных технических средств всеми офицерами и генералами [1, 22-24].

Частично влияние А.К. Байова отразилось в творчестве другого своеобразного автора эмиграции А.А. Керсновского. Он на основе исследований исторического пути русской армии, в ходе постоянного аналитического освещения многочисленных военно-политических и собственно военных проблем приходит к следующим выводам. Русское военное искусство, уходящее корнями глубоко в отечественную историю, имело яркий самобытный характер. В то же время вытекала из его духовных основ мощь русского военного гения, нами недостаточно осознанная. Там, где российские государи и полководцы не озирались на Запад, отмечалось мыслителем, была победа; где преобладало слепое подражание – всюду ожидало поражение. Военные неудачи России конца XIX – начала XX в., по оценке А.А. Керсновского, помимо прочего, объясняются отсутствием национальной военной доктрины, которую он рассматривал как часть общенациональной государственной доктрины, полагая, что обе они должны быть разработаны в послебольшевистской России.

По убеждению А.А. Керсновского, русская военная доктрина должна носить на себе отпечаток высшей гуманности, утверждать превосходство духовных сил над силами материальными, основываться на религиозном начале и национальной гордости, формировать сознательное отношение к воинскому делу. Следует подчеркнуть, что обобщающей работой о русской национальной военной доктрине можно считать именно «Философию войны» А.А. Керсновского. Этот небольшой монографический труд осмысливает вопросы войны и

мира, армии и России, военной науки и военного искусства, даже соотношение рационального и иррационального в военном деле.

Россию А.А. Керсновский представлял монархической, считая, что в русских условиях всякая другая формулировка исключается. Он полагал, что вооруженная сила – один из элементов политики и что утверждение «армия вне политики» – нелепо, ибо армия как раз вооруженная политика [17, 78]. Будущую армию России А.А. Керсновский, как и А.В. Геруа и А.К. Байов, видел малой и качественной. Ее духовно-организационным стержнем, ведущей силой по праву считал офицерский состав, говоря, что высокий престиж офицера в обществе – ключ к решению проблемы офицерского корпуса.

Таким образом, изучив и изложив *основы* философского наследия русского зарубежья по военно-философской проблематике, можно и надо сделать несколько выводов. Русская эмиграция, пережив трагедию изгнания, не оставила в стороне рассмотрение целого ряда философских вопросов о судьбе России. В нелегких, порой трагических условиях мыслители-эмигранты продолжали развивать отечественную философию, причем их творчество носило весьма разнообразный характер. Данное обстоятельство определило многообразие идейно-философских течений в рамках культуры русского зарубежья. С одной стороны, философы-эмигранты в своем творчестве продолжили культурно-исторические традиции дореволюционной России, с другой – русское зарубежье стало той средой, в рамках которой открылись новые страницы отечественной философии, принесли в нее многочисленные идейно-теоретические новации. При этом процессы формирования философии русского зарубежья происходили как в критическом ключе по отношению к существующей советской теоретической мысли, так и под воздействием возникающих и развивающихся симпатий к успехам реального социализма в СССР.

Мыслители русского зарубежья в своих трудах рисовали будущую картину государственного устройства России. При этом их идеальные государственные проекты включали мощный военно-теоретический компонент. Русские философы-эмигранты ставили и по-своему отвечали на вопросы: какая армия нужна России, каково ее предназначение, ее место и роль в будущем российском обществе. По мере постановки и теоретического рассмотрения общих военно-философских проблем, философы русского зарубежья не обошли стороной и более конкретные, частные вопросы, связанные с определением места и роли войны и армии в судьбах России. Среди них – вопросы о системе комплектования армии, роли и месте в ней офицерского состава, о необходимости четко выраженной государственной военной доктрины, о соотношении армии и политики, о новых формах ведения боевых действий и способах применения отдельных родов и видов вооруженных сил в предвоенный период. Они рассматривали вопросы военного строительства, подготовку страны и ее вооруженных сил к будущим войнам, разрабатывали проблемы истории войн и военного искусства. Ими не обойден и комплекс вопросов, связанных с морально-нравственным осмыслением воинской деятельности как в условиях войны, так и в мирное время.

В рамках философии русского зарубежья сформировались разнообразные подходы к вопросам идеологического противоборства по военно-философским проблемам. Причем идейные позиции русских философов-эмигрантов изначально формировались как в антизападном, так и в антисоветском ключе. Впоследствии в среде русской эмиграции образуются концепции просо-

ветской направленности. Данное обстоятельство обусловило идеологический раскол русского зарубежья. Можно и надо поэтому сказать, что философское противостояние, в том числе и по военно-теоретическим вопросам, определило сложную картину идеологического размежевания. Более того, в условиях начавшейся второй мировой войны идейная борьба привела к реальному вооруженному противоборству. Эти особенности обусловили сложность изучения философии русского зарубежья вообще и военно-философских вопросов в частности. Вместе с тем, происходящие в современной России кардинальные изменения в сфере военного строительства способствуют повышению научно-практического интереса современного российского общества, внимания к оригинальным, ярким, порой, противоречивым военно-философским идеям, сформированным в первой половине XX в. в условиях русской эмиграции.

Труды и опыт мыслителей русского зарубежья сегодня могут стать действенным толчком к теоретическому и практическому осмыслению и реализации современных программ модернизации российских вооруженных сил. Более того, военно-философские взгляды русского зарубежья содержат мощный заряд идей патриотизма, гражданственности, любви к родине. А дефицит этих идей все более остро ощущается на современном этапе развития российского общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Байов А.К. Русская военная доктрина // Вестник военных знаний. – Сараево, 1933. – № 4. – С. 15, 22-24.
2. Бердяев Н.А. Мысли о природе войны // Русские философы о войне. – М., 2005. – С. 290.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. – Л., 1991. – С. 190-193.
4. Волкогонова О.Д. Образ России в философии русского зарубежья. – М., 1998. – С. 6, 22.
5. Геруа А.В. Монизм // Российский военный сборник. – М. 1994. – Вып. IV. – С. 241.
6. Геруа А.В. Полчища. – София, 1923. – С. 7, 397.
7. Гиппиус З.Н., Кочаровский К.Р. Что делать русской эмиграции? – Париж, 1930. – С. 29.
8. Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской Вооруженной силы. – Белград, 1925. – С. 43.
9. Головин Н.Н. Современная война и «Красная вооруженная сила» // Военный сборник. – Белград, 1922. – Кн. 3. – С. 50.
10. Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». Наука о войне. О социологическом изучении войны. – М.: Изд-во ВАГШ, 1995. – Вып. 1. – С. 180.
11. Головин Н.Н. Усилия России в мировой войне. – Париж, 1939. – Т. 1. – С. 7.
12. Декрет Совета Народных Комиссаров об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии № 234 от 28 января 1918 г. // Газета временного Рабочего и Крестьянского Правительства № 18 от 2 февраля 1918 г.
13. Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Современные записки. – Париж, 1926. – Кн. 29. – С. 294.
14. Ильин И.А. Соч. соч.: в 10 т. – Т. 7. Творческая идея нашего будущего. Об основах духовного характера. – М., 1998. – С. 461-462.
15. Ильин И.А. Указ. соч.: Т. 10. Борьба за Россию. – М., 1998. – С. 387.
16. Карсавин Л.П. Армия и революция // Евразийская хроника. – Париж, 1927. – Вып. 9. – С. 40-46.
17. Керсновский А.А. Философия войны. – М, 1995. – С. 78.
18. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). – Париж, 1971. – С. 11-13.
19. Краснов П.Н. Армия // Русский колокол. – Берлин, 1928. – № 3. – С. 8-13.
20. Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. – М., Политиздат, 1991. – С. 3.
21. Федотов Г.П. Лицо России // Свободные голоса. – СПб., 1918. – № 1. – С. 11-19.
22. Федотов Г.П. Судьба империй // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1947. – № 17. – С. 149-169.
23. Федотов Г.П. Федерация и Россия // Новая Россия. – Париж, 1940. – № 77. – С. 25-26.